

Янка Лось

КОРОНА
- рогатого -
КОРОЛЯ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Я62

Иллюстрация на переплете *Caramel Witch*
Иллюстрации в тексте *Ярослава Кузнецова*

Янка, Лось.

Я62 Корона рогатого короля / Янка Лось. — Москва :
Эксмо, 2026. — 384 с.

ISBN 978-5-04-203561-6

Юная аристократка Эпона Горманстон тяготится ролью будущей придворной дамы и хочет расследовать магические преступления. Древнее пророчество и неудавшееся покушение вдохновляют Эпону бросить вызов традициям и начать обучение стажером в Магической Инквизиции. Сможет ли юная «госпожа инквизитор» понять, кто стоит за сектой Рогатого Короля и спасти принца королевства Далриат?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Лось Я., текст, 2024

© Оформление.

ISBN 978-5-04-203561-6

ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ПРОЛОГ

Горели свечи, превращая ночь в день. Сотни свечей. Цветочные благовония и драгоценный сандал кружили голову.

Она смотрела из-за шелкового занавеса на собравшихся девиц и дам — младшей не больше двенадцати, у старшей недавно родился третий внук. Белые рубашки тонкого полотна, живые цветы в распущенных волосах, капли воды на коже — только что была баня и купание в озере. Красиво. Она любила красоту. И сама становилась воплощенной красотой здесь и сейчас.

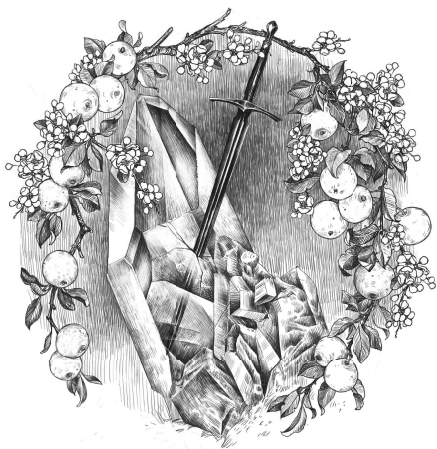
Начиналась Церемония.

Она шла на свое возвышение, зная, что безупречна, зная, что сейчас все смотрят на нее, избранную, лучшую, и готовы повиноваться малейшему ее жесту.

А значит, очень скоро они будут готовы и убивать тоже.

Вот она — власть.

Глава первая

ВСЕ ЕЩЕ НЕ ИНКВИЗИТОР

Эпона, дочь герцога Горманстона, широким шагом торопилась на кладбище. За четыре года учебы в магическом университете Дин Эйрин она лучше всего научилась скрывать свои чувства, когда было нужно, — впрочем, к этому у нее был талант еще дома. Но сегодня броня воспитания дала трещину. Эпона комкала в руке дорогую гербовую бумагу и ненавидела в этом письме каждую букву.

Казалось бы, любая девушка должна бы хотеть быть Эпонай. Аристократка из высшей знати. Одна из самых богатых невест в королевстве Далриат. Обладательница сильного магического дара — так считает вся профессура, включая ректора. Наконец, невеста младшего принца, смешливого кудрявого красавчика, по которому вздыхает половина университетских девиц — от стипендиаток из сиротских приютов и шатров

кочевого народа пэйви до таких же знатных, как сама Эпона.

Невеста принца, привязанная к нему, будто к камню, который утягивает на дно. Туда, где пустые разговоры за розовыми пирожными, чинные прогулки по саду, три перемены платьев в день, танцы, многозначительные взгляды и шушуканья. И как можно больше запасных наследников королевского рода.

Восторг? Мечта? Да. Только не для нее.

Пахло той теплой осенью, которая еще почти лето — умиротворяющий запах, но он не помогал. Кладбище встретило Эпону тишиной и тихим скрипом старых сосен. Те, кто здесь лежал, давно справились со своими страстями, даже если буйно и памятно от них умерли. В голову дочери герцога в очередной раз закралась крамольная мысль: да стоит ли бояться гнева предков, которые уже обрели покой? Не все ли им равно, живет девица Горманстон во дворце или наконец-то... На этой мысли ее прервал знакомый звонкий голос:

— Когда у тебя такое лицо, я боюсь, что ты кого-то убила и ищешь лопату.

Его Высочество Эдвард, учившийся в Дин Эйрин под материнской фамилией Баллиоль, но раскрывший правду о себе на первом же курсе из самых лучших намерений, будто шкодливый призрак, выглядывал из-за мраморной стелы с выбитыми на камне алхимическими символами. Его улыбка разбилась о мрачный взгляд Эпоны, но продолжала искриться в глазах.

— Если начнешь шутить, Эдвард, убью тебя. Лопату возьму у Эшлин.

Эдвард вышел на дорожку, стряхивая мох с плаща:

— Убивать на кладбище удобно — тащить далеко не надо. Но ты же знаешь, что без меня вы ничего для

испытания первокурсников не придумаете. Да-да, я болтливый. Но полезный.

— Идем. Я не хочу прийти последней, — вздохнула Эпона, — все равно без нас они там только беспокоят предков профессора Дойла запахом пирожков с сердцем. Если Аодан вообще не придумал чистить там копченую рыбу.

Жених и невеста направились к похожему на крепость склепу, на воротах которого значилось «Покойтесь с миром, славные Дойлы». Они отлично знали, что уже четвертый год предкам профессора Дойла и ему самому покой только снился. Сначала профессор оборудовал в семейной усыпальнице кабинет, где проводил эксперименты с человеческой памятью. А потом, когда он таинственно погиб, его ученица Мавис Десмонд организовала здесь тихое место для встреч друзей, взявшихся расследовать эту смерть. Ее друзья — среди них были и Эпона, и Эдвард — вечно вляпывались в приключения, о которых в людном месте не поговоришь. Зато это их сблизило. Всех.

Эпона не была красавицей. В королевстве Далриат самыми красивыми считались девицы с мягкими округлыми формами, тонкими талиями, теплым золотисто-рыжим цветом волос и нежным румянцем. Они наводили на мысли о лете, яблоках с розовой мякотью, ласковости и детях. Эпона была высокой, крепкой, широкоплечей. Широкими были и ее запястья, темно-каштановые волосы напоминали лошадиный хвост и не желали рассыпаться легкими локонами, а крупный нос и четкие скулы наводили на мысли о каменной статуе древнего полководца, а не о девице на выданье. Впрочем, и характер у нее был под стать полководцу. А иногда — каменной статуе.

Эдвард рядом с ней выглядел статуэткой из фарфора страны Мин. Высокий — ростом они с Эпоной были равны, — изящный и большеглазый юноша в локонах и кружевах, всегда готовый радостно улыбнуться, вечно попадавший в какие-то истории, обладавший непосредственностью щенка и прекрасно танцевавший.

Более неподходящую друг другу пару было трудно себе даже представить. Разумеется, решение об их браке принимали их семьи — высокое положение это подразумевает, — и оба долго были против, но привыкли к будущему браку как к данности.

Бурные события начала их учебы и еще кое-что общее, связанное с кругом друидов, сделало их по крайней мере друзьями. Эпона понимала, что дружба — даже лучшая основа для брака, чем влюбленность, тем более что она пока не влюблялась. Так что все могло бы быть хорошо...

Не будь Эдвард принцем. А брак с ним — входом в королевскую семью Далриат.

Больше всего гробница Дойлов напоминала конюшню, к которой приделали верх от крепости. Более тихого и уединенного места в университете попросту не было — разве что библиотека, но там посидеть с пирожками было бы святотатством, и восторженные поклонницы Эдварда Баллиоля в собиравшейся там компании не водились. Кхира, дочь его кормилицы Лизелотты, выросла вместе с Эдвардом и опекала его как младшего брата, хоть они и были ровесниками. Мавис Десмонд, когда-то мрачная, замкнутая и неуклюжая, сильно изменилась и оттаяла за четыре года, но осталась особой неромантической. И у каждой был свой жених, как бы Мавис ни изумлялась, что ее кто-то позвал замуж. Правда, обе они не спешили под свадебную цветочную арку немедленно.

Но, в отличие от Эпоны, это была любовь, а не кандалы.

Вдоль стен уютно горел в длинных желобах огонь. Еще при жизни профессор Финнавар Дойл усовершенствовал семейный склеп так, что в нем было суше и светлее, чем в некоторых аудиториях. Студенческая компания собралась в стороне от вычурных надгробий с барельефами и рыцарскими фигурами. Книги на столе традиционно потеснили пирожки из университетской таверны «Королевский лосось». Пока Мавис выкладывала на тарелке башню из пирожков, а к ним наливала в миску собственноручно приготовленный соус из брусники, перца и имбиря, царило восхищенное молчание. Восхищенное — потому что Мавис готовила не хуже кухарей «Лосося». Молчание — потому что испытание для первокурсников так и не приходило в голову. Ректор Бирн напомнил, что оно должно быть неопасным, незлым и связанным с подготовкой праздника Осеннего Равноденствия.

Обычно юных студентов привлекали к праздничному хозяйству — они таскали воду, перебирали крупу, месили тесто. На этом потихоньку сдружались — ну и ссорились тоже, проявляя себя на глазах у Дин Эйрин. Знатные обуздывали гордыню и учились трудиться, незнатные помогали им или смеялись над ними, и в этом тоже было маленькое жизненное испытание.

Но в этот раз хотелось чего-то поинтереснее.

Черноволосая смуглая Кхира вздыхала, что у нее даже мыслей нет, кроме как отправить первокурсников вымыть кабинет алхимии. Трудность там была только в одном: профессор Доэрти не подпустил бы их к своим колбам и зельям приблизительно никогда.

Аодан, едва на него переводили взгляд, делом показывал, что предпочитает жевать, а не говорить. Этот

рослый широкоплечий парень когда-то был спасен Эдвардом от виселицы, но его разбойничья чуйка осталась при нем. И не раз помогала выручить себя и друзей. Они легко сошлись с Кхирой, потому что оба старались уберечь Эдварда от неприятностей. Это их сблизило.

Вместе с Эдвардом в склеп ворвалось слишком много жизни, больше, чем требовалось.

— Сегодня восхитительный день! Помните, как мы из последних сил проходили свое испытание?

— Да, — вздохнула Кхира. — Ты подтвердил прозвище Полведра и наполовину разбил витраж. Эшлин нарвалась на разбойников. Прекрасно провели время.

Эдвард звонко расхохотался:

— Она же их напугала! А я — еще немного, и покажу эти полведра нарисовать мне на личном гербе. Хотя не люблю, когда наполовину. Если во что-то ввязываться, так в полном...

— Он хотел сказать, что тоже пока не придумал испытание для новых студентов, но честно пытался. Не хватило то ли пыла, то ли сидра, — перебила его Эпона, садясь рядом с Кхирой во главу стола. Дочь герцога и дочь королевской кормилицы дружили на равных.

— А где Рэндалл? — Эдвард удивленно оглядел друзей, но садиться не стал. Он ненавидел думать сидя, без возможности вскочить и, размахивая руками, обсуждать каждую мысль с окружающими. Можно представить, какой пыткой оказывались для юного принца лекции.

— Делом занят, — отозвалась Мавис. — Пока мы придумываем, как новичков мучить, он их учит. Ректор Бирн в честь получения звания магистра поручил ему в этом году самому провести занятие по основам магической науки.

— Минус еще одна светлая голова, — вздохнула Кхира. — Может быть, завтра соберемся?

— Мы справимся, — упрямо заявил Эдвард. — У меня есть идея! Давайте позовем Эшлин, если никто еще не догадался? Она, может, теперь и человек, но мыслит-то иногда нечеловечески странно!

Эшлин Бирн, красавица-жена ректора, была их близкой подругой, но не студенткой. Она потеряла магический дар, спасая мужа, но университетский сад, которым она занималась с тех пор, обрел совершенство истинного волшебства, так считали все. И все-таки по воспитанию, характеру и образу мыслей Эшлин оставалась женщиной из ши, народа холмов, который почти не показывается в мире людей. Она умела видеть обычные вещи с необычной стороны.

— Эшлин, конечно, звали. Но у нее там снова какие-то розы пропадают, и их надо срочно спасать. Мне кажется, что она спасла из каждого цветника в городе хотя бы по одному цветку.

Некоторые считали, что жена ректора могла бы остепениться и уделять больше внимания детям — приемному мальчику и кровной девочке. Кхира же считала, что главное место в жизни Эшлин должны, разумеется, занимать друзья. Но никак не цветы.

— Тогда начнем! Ваши предложения? — Эдвард все же уселся за стол и вдохновенно уставился на окружающих. Под его взглядом даже Аодан быстро проглотил остатки пирога, хлюпнул соусом и протянул:

— Ну... хозяйка «Лосося» жаловалась, что у нее черепица на крыше уже нехороша. Пусть переделывают.

— Аодан, ты правда всю зиму хочешь сидеть и ждать, пока крыша, покрытая первокурсниками, упадет тебе в пиво и на голову?

— Что-то я твоих предложений не слышу, Эдвард. Озвучь полведра светлых мыслей, — вздохнул Аодан и потянулся за следующим пирожком, чтобы иметь повод еще немного помолчать. Его примеру последовали все.

Эпона считала этот обычай с испытаниями для младших глупым, но если лишать их традиции, то как они почувствуют себя настоящими студентами? Не только же потому, что выслушали лекцию Стэнли Рэндалла. Под настроение все испытания, которые приходили ей самой в голову, были излишне суровыми.

Так они и молчали довольно уютно, ополовинив тарелку с пирожками и разливая сидр, пока в склепе не появилась молодая женщина. Во вьющихся рыжих волосах, неровно заколотых старинной фибулой, застряли листья. Она не носила привычного покрывала замужней, но на затылке ее волосы немного прикрывал яркий зеленый платок, завязанный на манер кочевого народа пэйви. Эшлин успела постранствовать с ними и дружила с одной из пэйви, Нелли, по прозвищу Ворона.

— У вас такой вид, друзья, будто вы кого-то в последний путь провожаете.

— Студентов, которые будут выполнять задания, придуманные Эпоной, — отозвался Эдвард, вставая, чтобы поприветствовать подругу. — Рад тебя видеть, Эш. Нам нужны еще идеи, которые непохожи на пытку, и чтобы без соломенной крыши.

— Ты так уверен в моих идеях? А если я скажу, что давно пора обрезать в цветнике розы и человек десять справятся лучше, чем я одна?

Эдвард вздохнул и печально улыбнулся.

— Тогда я на ближайшие полдня потеряю веру в человечество.

— Только ради того, чтобы твоя вера не пострадала. У меня есть одна мысль. Помнишь, я вам рассказывала, что душа ши заключена в Кристалле, который мудрецы филиды создают в момент рождения, чтобы тот рос вместе с владельцем?

Они помнили. Помнили Кристалл самой Эшлин, мерцающий камень, оплетенный ежевичными веточками, которого не было больше — жизнь Брендона Бирна была выкуплена дорогой ценой. Но Эшлин не грустила и весело говорила дальше:

— Что, если попросить их сделать из любого материала маленький талисман в виде того животного, которое они увидели в испытании перед поступлением? Того, которое стало символом их силы. Сейчас они передадут этой вещице совсем немного магии, но пока растут, смогут напитать ее достаточно. Она станет хорошим помощником в трудную минуту, когда собственных сил может не хватить. Можно делать из дерева, камня, соленого теста, глины — и в этом тоже проявится то, каков человек.

— Эдвард прав, ты порой видишь то, что рядом, но скрывается ото всех. Хотела бы и я так научиться, — сказала Эпона. — Всегда интересно, кто пришел к другим, я вот быка никогда не забуду. Всегда думала, что они злые. Но тот оказался совсем ручной, как собака... нет, скорее, как лошадь.

— Ты выехала из лабиринта на быке? — обрадовался Эдвард.

— Скорее въехала в ворота, ключ от которых на меня упал, — сдержанно улыбнулась Эпона. Сейчас опасные приключения во сне перед поступлением казались даже забавными. Ведь потом им пришлось столкнуться с намного большими опасностями.

Стоило подумать об опасностях, как в склеп, петля между саркофагами Дойлов, вбежал мальчишка лет одиннадцати. Старший сын ректора, приемный сирота, до шести или семи лет жил на улице, кочевал с нищими, так что умел много полезного, никогда не унывал, да еще и распространял слухи со скоростью ветра. Судя по тому, как сверкали его глаза, в университете Дин Эйрин что-то обвалилось.

— Представляете, что случилось!

— Финн, погоди, мне уже надо волноваться? Где Кэтлин? — уточнила Эшлин.

— Играет снаружи. Да что ей будет, Эш, там же все мертвые! — Финн называл ректора отцом, а его жену по имени, так сложилось. — Так вот. В женской коллегии орут. Все орут. Какая-то новенькая утонула в пруду. Или ее съел кит. Меня не пустили, а Кэтлин мелкая, ее запускать и смысла нет, что она поймет? Отцу пошли сказать, а я вот к вам.

— Какой еще кит в пруду? — это был слаженный хор. Мрачноватый пруд, поросший тростником, с живописными каменными развалинами на берегу, перед домом бывшего ректора Горта Галлахера, напоминал о прошлых страшных приключениях, но совершенно точно не вмещал в себя никакого кита.

— Ну я его не видел, — это было сказано с сожалением. — В общем, вы идите в женскую коллегию. Вас пустят. Эш, ты же потом мне все расскажешь?

— Куда я денусь? Побудь с Грэгом Сэвиджем, присмотрите за Кэтлин и не лезьте в пруд!

Грэг, еще одно дитя университета, семилетний сын баронессы Сэвидж и юноши из табора пэйви, уже крутился у входа в склеп, держа за руку хорошенькую, как солнышко, беленькую — в отца — малышку Кэтлин.